Автор: словарь
13.04.2009 10:14 -

ПОСТИСТОРИЯ — понятие философии постмодернизма, сменившее собою традиционный концепт "истории" и задающее новое видение социальных процессов, фундированное: 1) отказом от линейного видения социальной динамики; 2) отказом от презумпции наличия имманентной логики истории — в общем контексте отказа от логоцентризма (см.

Логоцентризм); 3) отказом от презумпции трансцендентального означаемого (см. Трансцендентальное означаемое), предполагающего в данном случае наличие автохтонной социальной реальности; 4) общей постмодернистской презумпцией артикуляции настоящего как лишенного возможности новизны (давление со стороны феноменов past-perfect на любое событие, свершающееся в неэлиминируемом контексте "все уже было" — см. Deja-vu, Событие). Термин "П." как таковой был введен уже в рамках неклассической философии (А

.Гелен); одну из первых его концептуальных разработок осуществил Беньямин; в собственно постмодернистском смысле использован Дж.Ваттимо в работе "Конец современности" (1991), где "преодоление истории" понимается как "преодоление историцизма" в целом. Если при переходе от традиционной культуры к классической — осевой семантический вектор развития представлений о времени разворачивается как переход от циклической временной модели к линейной, то современный переход к культуре постмодерна знаменуется радикальным отказом философии от линейной концепции времени.

Последняя оценивается в качестве метанаррации (см. Закат метанарраций) и в этом качестве подвергается десакрализации: так, в оценке Бодрийяра, "история — это наш утраченный референт, то есть наш миф"; согласно видению Джеймисона, современное общество характеризуется "последовательным ослаблением историчности... в нашем отношении к общественной Истории".

Подобная установка во многом была зафиксирована уже Аренд, предвосхитившей в своем творчестве многие — ныне базисные — идеи постмодернизма (см. Аренд): "нить традиции оборвана, и... мы не будем в состоянии восстановить ее. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, — все же прошлое, но прошлое уже фрагментированное".

Понимание истории как линейного разворачивания событийности из прошлого в

будущее, предполагающее усмотрение в последовательности событий однозначной принудительной каузальности и вытекающей из этого возможности одного (так называемого правильного) прочтения события, сменяются в постмодернизме установкой на интерпретационную плюральность нарративной истории (см. Нарратив): как пишет Бодрийяр, "история была могучим мифом... который поддерживал одновременно возможность "объективной" связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса", — не случайно "век истории — это также и век романа". Постмодернистское же видение социальной процессуальности принципиально нелинейно: по оценке Деррида, "чему... не следует доверять, так это метафизическому концепту истории", который "привязан не только к линейности, но и ко всей системе импликаций (телеология, эсхатология, выявляющая и интерпретирующая аккумуляция смысла, известный тип традиционности, известный концепт преемственности, истины и т.д.). Важнейшим основанием ведения концепта П. выступает для постмодернистской философии презумпция "конца истории", получающая в постмодерне — наряду с традиционными оптимистической ("Конец истории?" Ф.Фукуямы) и пессимистической (С.Хантингтон) своей аранжировками — и сугубо нетрадиционную свою артикуляцию. Речь идет именно об отказе от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее. Как пишет Лиотар, "сегодня мы можем наблюдать своеобразный упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества. ..

.Не существует позитивной ориентации, которая могла бы открыть перед нами какую-то новую перспективу /именно линейную перспективу, а не панораму жизни в ее стереофонии — М.М./. — Постмодерн осознает себя как пост-современность, процессуальность, которая разворачивается "после времени": по оценке Кожева, "как бы то ни было — История закончена".

Разворачивая процессуальность своего бытия в ситуации "пост-истории", современность тем самым "переписывает время", разворачивая линейный вектор истории и ломая его. Таким — парадоксальным — образом постмодернистская презумпция "конца истории" фактически имеет смысл переоткрытия времени.

Как пишет Бланшо, "мы в большей или меньшей степени живем под знаком завершившейся истории, уже на берегу текущей мимо реки", иными словами — "обитаем", по выражению Джеймисона, "скорее в синхронном, чем в диахронном мире". В этом плане, перманентное настоящее культуры постмодерна принципиально нелинейно: современная культурная прагматика описывается Лиотаром как "монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний (денотативных, предписывающих, перформативных, технических,

оценочных и т.д.). Нет никакого основания полагать, что возможно определить метапредложения, общие для всех этих языковых игр, или что временный консенсус... может охватить все метапредложения, регулирующие всю совокупность высказываний, циркулирующих в человеческом коллективе". В контексте сказанного концепция П. резко оппозиционна метафизике (см. Метафизика) как совмещающей в себе все характерные для линейного детерминизма посылки: "помещая настоящее в происхождение, метафизика заставляет поверить в тайную работу предназначения, которое стремилось бы прорваться наружу с самого начала". — Базовой презумпцией постмодернистской П. выступает, таким образом, отказ от фундировавшего западную философскую традицию логоцентризма: в качестве предмета своего когнитивного интереса генеалогия постулирует "не столько предусмотрительное могущество смысла, сколько случайную игру доминаций" (Фуко).

И если линейной версией истории создана особая "Вселенная правил, предназначенная... для того, чтобы утолить жажду насилия", своего рода интерпретативного своеволия в отношении спонтанной событийности, то, согласно постмодернизму, "грандиозная игра истории — вот кому подчиняются правила". — Моделируемый философией постмодернизма событийный процесс подчинен детерминизму (см. Неодетерминизм) принципиально нелинейного типа: "мир — такой, каким мы его знаем, — в итоге не является простой фигурой, где все события стерты для того, чтобы прорисовались постепенно существенные черты, конечный смысл, первая и последняя необходимость, но, напротив, — это мириады переплетающихся событий...

Мы полагаем, что наше настоящее опирается на глубинные интенции, на неизменные необходимости; от историков мы требуем убедить нас в этом. Но верное историческое чувство подсказывает, что мы живем, без специальных разметок и изначальных координат, в мириадах затерянных событий" (Фуко).

Сосуществование в едином пространстве не только семантически несоединимых и аксиологически взаимоисключающих друг друга сколов различных культурных традиций порождает "невозможность единого зеркала мира", не допускающую, по мнению К

.Лемерта, конституирования такой картины социальности, которая могла бы претендовать на статус модели истории как новой большой наррации: в отличие от эпохи "больших наррации", постмодерн — это, по определению Фуко, "эпоха" комментариев, которой мы принадлежим". В этом контексте событие определяется Фуко, Делезом, Гваттари как феномен, обладающий особым статусом, не предполагающим ни артикуляции в качестве причины, ни артикуляции в качестве следствия, — статусом "эффекта" (см. Событийность). Ориентация

на "повествовательные стратегии" — в их плюральности — оценивается современными постмодернистскими авторами (Д.В

.Фоккема, Д.Хейман и др.) как основополагающая для современной культуры, в чем проявляется усиление в современной философии истории позиции историцизма, строящего свою методологию на презумпции неповторимой уникальности каждого события, чья самобытность не может быть — без разрушающих искажений — передана посредством всеобщей дедуктивной схемы истории. В общем контексте отказа от метафизической презумпции наличия универсально единого и рационально постигаемого смысла бытия (см. Метафизика, Постметафизическое мышление) постмодернистское видение истории фундировано презумпцией отсутствия так называемой "логики истории", т.е. программным отказом от веры "в абсолютную автономию истории как истории философии в смысле конвенционального гегельянства" (Деррида).

История как теоретическая дисциплина конституируется в постмодернизме в качестве нарративной: рефлексия над прошлым, по оценке Х.Райта, — это всегда рассказ, нарратив, организованный извне, посредством внесенного рассказчиком сюжета, организующего повествование. "История" как таковая может мыслиться в пространстве постмодернистской философии не иначе, нежели в качестве "формы словесного дискурса", жанрово варьирующейся в диапазоне от "романса" и "трагедии" до "комедии" и "сатиры" (Х.Уайт). —

История, таким образом, не более чем "дескриптивный анализ дискурсивных трансформаций" (Фуко), а историография в этом контексте может быть конституирована лишь в качестве нарратологии. В рамках постмодернистской концепции истории (Дж.Каллер, А.Карр, Ф.Кермоуд и др.) фундаментальной становится идея основополагающего значения финала для конституирования "истории" как нарратива о том или ином событии. Аналогичные рассуждения могут быть обнаружены и у Ш.Пеги, чья модель истории фундирована представлениями о том, что "у событий есть... состояния перенасыщения, которые осаждаются, кристаллизуются и устанавливаются только посредством введения фрагмента будущего события". Подобная установка проявляет себя в рефлексивно осознанном постмодернистской культурой феномене "обратной апокалиптичности" (an inveted millenarianism); по определению Джеймисона, в культуре постмодернизма "предчувствия будущего, катастрофического или спасительного, заместились ощущениями конца того или этого (конец идеологии, искусства или социального класса; "кризис" ленинизма, социальной демократии или общества всеобщего благоденствия и т.д. и т.п.); взятые все вместе они, возможно, составляют то, что все

чаще обозначается постмодернизмом".

В русле этой традиции смысл исторического события трактуется постмодернизмом следующим образом: "точка совершенно удаленная и предшествующая всякому позитивному познанию, а именно истина, делает возможным знание, которое, однако, вновь ее закрывает, не переставая, в своей болтливости, не признавать ее" (Фуко). В контексте общего критического отношения постмодернизма к любым попыткам создания онтологии (см. Онтология) социальная концепция постмодернизма (Бодрийяр, Дж.Ваттимо, Р.Виллиамс и др.) постулирует программный отказ от попыток создания единой и исчерпывающей картины социальной реальности, практически постулируя несостоятельность концептов "история" и "общество" как претендующих на фиксацию внеположенного дискурсивным практикам социологии "трансцендентального означаемого" социологических текстов.

Даже в рамках концепций социологически ориентированных мыслителей, относящих себя к методологии постмодернизма (З.Бауман, С.Бест, Дж.Ваттимо, Р.Виллиамс, Д.Келлер, Д.Лион, Б.Смарт и др.), обнаруживается полное исключение соответствующих понятий ("история", "общество", "прогресс", "социальный прогресс" и т.п.) из концептуальных контекстов. Моделирование социальной динамики в парадигме П. находит свое выражение в "генеалогии" Фуко, в концепции исторической темпоральности Делеза и др. (См. также Генеалогия, История, Событие, Событийность.)

М.А. Можейко